

Л.И. КАБАНОВА

*Доктор философских наук, профессор
Петрозаводский государственный университет*

ИГРЫ С «ПРА-ЛОГИЧЕСКИМ»

Интерес к пра-логической форме мышления в исследовательском пространстве весьма нетривиален. Посредством данного концепта осуществляется попытка понимания феноменов, выходящих далеко за пределы проблемы первобытного мышления. Еще в 19 веке ученые-антропологи обратились к изучению особенностей первобытного мышления. В частности, предпринималась попытка описания взаимодействия языка и мышления в призме социальных институций. Леви-Брюллем, например, был сделан вывод об особенностях первобытного мышления – его мистическом и партиципационном характере. В статье анализируются особенности «пра-логического» и акцентируется внимание на существующей в исследовательской практике тенденции рассматривать инфантильное, незрелое и психотическое в призме «пра-логического» опыта мышления.

Ключевые слова: пра-логическое мышление, партиципация, первобытное мышление, комплексное мышление, память, язык, инфантилизм

L.I. KABANOVA

*Doctor of philosophical Sciences, Professor
Petrozavodsk state University*

GAMES WITH A «PRA-LOGICAL»

Interest in a pra-logical form of thinking in research space is great. Through this concept, an attempt is made to understand phenomena that go far beyond the actual problem of consciousness. Back in the 19th century anthropologists turned to the study of the features of primitive thinking. In particular, an attempt was made to describe the interaction of language and thinking in the prism of social institutions. Levy-Bruhl was the conclusion about the peculiarities of primitive thinking – his mystical and participational character. The article focuses on the existing research practice tendency to consider privational, infantile, immature and even psychotic in the prism of pra-logical form of thinking.

Keywords: pra-logical form of thinking, participation, primitive thinking, integrated thinking, memory, language, infantilism

Что такое пра-логическое?

«Пра-логическое», что проистекает из самого слова, не предполагает наличия логических операций и не имеет общих понятий. И хотя пра-логическое, так же, как и логическое является результатом влияния соци-

альной среды и передается посредством языка и понятий, однако эти понятия отличны от логических понятий и строятся на основе принципа сопричастности или партиципации. Пример партиципации описан Леви-Брюлем: «У багандов бесплодной женщине обычно дается развод, ибо она мешает огороду своего мужа приносить плоды <...> муж бесплодной женщины, давая ей развод, только противодействует вредной партиципации; в других случаях по тому же принципу будут вызывать полезные партиципации» [3]. Если свойства передаются путем переноса, то можно воздействовать на целое, действуя на его часть.

Особого внимания с точки зрения акта «переноса» заслуживает первобытное искусство. Почти единственной целью изображения в нем является желание вызвать «нужные» и столь необходимые для выживания партиципации. Достаточно банально повторять то, что почти единственным объектом творчества палеолитического, мезолитического и неолитического времени были звери. Среди мамонтов и бизонов редко попадаются получеловеческие фигуры. Человеку незачем было изображать человека. Он изображал лишь то, чего ему не хватало. Животное представляло для него куда как большую ценность. Любопытно замечание Формозова: «Палеолитический художник не очеловечивал зверей, а, так сказать, «озверивал» самого себя» [4]. Отсутствие лица и изображений лиц свидетельствует о том, что человек этого исторического периода не идентифицирует себя со своим телом, скорее с телом тотемного животного или птицы. Тело не мыслится, как индивидуальное, оно включено в природный или коллективный орнамент восприятия мира. Доминирует телесная ориентированность на сохранение изначальных способов установления связи с природой (накопление и использование ресурса защиты, выживания, самосохранения). «Логика» тотемического комплекса верований переносится и на тело: (отождествление членами социальной группы себя с животным или растением и соответствующие этой мыслительной связи верования, обряды, пищевые запреты и табу). Название имеет только то, что полезно. Все остальное – вредное и не именуется. Мышление в регистре «Тотемического оператора» (Леви-Строс) описывается, как «бриколаж» (калейдоскопичность мышления). (см. *Леви-Строс К. Первобытное мышление* М.: Республика, 1994. – 384 с.). Бриколаж ближе всего к опыту собирания или компоновки событий в процессе запоминания. Выготский и Лурия в книге «Этюды по истории поведения» указывают, в частности, на то, что весь опыт первобытного человека опирался на память и она в корне отлична от памяти современного человека. Подобный вид памяти мы называем фотографической памятью. Особенностью ее является целостное схватывание объекта. Вывод о предельном уровне развития т.наз., мнемы (способности запечатлевать и воспроизводить) у первобытного человека связывается

Выготским с особенностями запоминания. Данная система запоминания имеет знаковый характер, мы могли бы даже сказать – семиотический (знак, как узелок на память): «без знака, следа он не находит дороги». Знак, принимаемый первобытным сознанием за причину, воссоздает магический ореол восприятия события. Создание искусственного знака – важнейший момент в истории развития памяти и мышления. Можно представить себе, каков объем словаря (знаков), необходимого для объяснения чего бы то ни было. И каким должен быть объем памяти человека, чтобы суметь удерживать все это разнообразие знаков. Почти все исследования утверждают поразительную память первобытных людей. Это конкретная память, которая может воспроизвести в мельчайших подробностях последовательность событий и чувственных впечатлений: «для пра-логического мышления воспоминания почти сплошь весьма сложные представления, которые следуют одно за другим в неизменном порядке» [3]. Указанный вид памяти способен воспроизводить сложные представления и богатство деталей в том порядке, в котором эти детали связаны между собой в соответствии с мистическими отношениями: «представление, неизбежно вызываемое в памяти другим представлением, часто приобретает в сознании первобытного человека силу и характер логического мышления. Вот почему, как мы видим, знак принимается почти всегда за причину» [3]. Мнемоническую стадию можно считать первой в развитии письменности (фигурки, как знак описания). Вывод Выготского о том, что память совершенствуется благодаря совершенствованию системы письма, связан, безусловно, с идеей создания первобытным человеком системы знаков.

Благодаря подобной знаковой деятельности с течением времени появляется нечто более «духовное» – феномен «странствующего сюжета», например или солярные знаки или образ потустороннего мира. На примере эпоса «Калевала» и наскальных изображений Карелии мы можем увидеть это углубление духовных исканий человека. В «Калевале» неоднократно говорится про дверь в преисподнюю. Это расщелина в скале, ведущая в страну Туонела. Она наполнена отвратительными пресмыкающимися. Правит в Туонеле божество смерти, имеющее человекоподобный облик. Эти мотивы мы найдем на петроглифах одного из мысов Онежского озера, который называется «Бесов Нос». Указанные нами черты проблематизируют вполне понятное желание упаковать все непонятное в форму пра-логического. Настойчиво повторяющийся сюжет, космологическая тематика, мифопоэтическое осмысление смерти могут свидетельствовать хоть и о магическом, но все же о высоком уровне мышления. Мышление первобытного человека имеет магический характер и полностью лишено усмотрения причинно-следственных связей между явлениями и событиями. В основе магического мышления вера в возможность оказания на человека влияния

со стороны сверхъестественных сил, а любая неудача рассматривается как неминуемое предупреждение о последующих зловключениях. Имеет место некоторая «логика несчастья». Зачастую болезнь, смерть или несчастье связывались с действием колдовства. Интересно описание способов колдовства Леви-Брюлем: «Колдовство имеет и много других способов: магическое действие на предметы, связанные с жертвой, хотя бы на кусок ее одежды, на ее слюну, на остатки ее пищи, на след ее шагов, на ее изображение и т.д. колдовство может действовать при помощи чар, взглядов, формул, заклинаний или жестов, наконец, без всяких внешних проявлений; при помощи простого акта хотения, одного только намерения, возможно, даже бессознательного. Неважно, каким средством или орудием пользуется влияние, устремленное ко злу» [3]. Особенного внимания заслуживает замечание о бессознательном характере намерения причинить кому-то зло. О таких говорят, что они имеют дурной глаз. Одно хотения может быть достаточно. Важным признаком колдуна являлось то, что он всегда счастлив, богат и удачлив. Возможность необычайного счастья объяснялась тем, что человек причастен к колдовству и дал какой-то залог невидимым силам. Такие колдуны внушали страх членам общины. Отсюда важность процедуры очищения для первобытного человека.

Тема чистоты, очищения и нечистоты тесно связана с верованиями в сверхъестественные силы, их благосклонность или враждебность. Нечистота понималась не в моральном смысле этого слова, но как проявление слабости, уязвимости, отсюда отношение к детям, как к нечистым, вплоть до совершения ритуала инициации. Чистота же наоборот означала силу, крепость, устойчивость. Аскетизм делает человека чистым, сильным и способным к разного рода испытаниям. Подобное представление мы впоследствии встретим в мировых религиях. Однако цели аскетизма, конечно, различаются. Для первобытного сознания аскетизм был способом нейтрализовать дурное влияние сверхъестественных сил.

Интересно и то, что исповедь (признание своей вины) воспринималась, как необходимое условие очищения. «Перед отправлением в поход требовать от каждого воина полного признания при всем честном народе своих прегрешений. Этот обычай очень распространен не только в первобытных обществах, но и в более развитых. Он засвидетельствован в Индонезии, Полинезии, Мексике, Перу времен инков, у африканских банту, у эскимосов и т. д. Всюду исповеди придают большое значение. Возможно, главным источником этого обычая является потребность нейтрализовать дурное влияние осквернения и положить конец бедствиям, которые оно неизбежно влечет за собой, пока остается тайной» [3]. Не допускалось наличие злых мыслей по отношению к кому-то и особенно выражать свой гнев грубыми словами; это считалось равносильным колдовству.

Комплексное мышление

Л. Выготский обратился к изучению пра-логической формы мышления, имея весьма понятную цель. С помощью данного концепта он хотел установить связь между характером партиципации у примитивных народов, душевнобольных людей и детей. «Если принять во внимание, что ребенок на данной стадии своего развития обладает комплексным мышлением, что слова являются для него средством обозначения комплексов конкретных предметов, что основная форма устанавливаемых им обобщений и связей – это псевдопонятие, то станет совершенно ясно, что с логической неизбежностью продуктом такого комплексного мышления должна явиться партиципация, т. е. в этом мышлении должны возникнуть связи и отношения между вещами, невозможные и немыслимые с точки зрения мышления в понятиях» [2]. Партиципацию, как особенность детского мышления Выготский называет *комплексным мышлением*. Это такое мышление, при котором какой-нибудь конкретный предмет может быть отнесен одновременно к двум или нескольким комплексам. Переплетение комплексов, алогичность, мышление на до-понятийном языке, иное функциональное употребление слова, наглядность предметов, их произвольное группирование – все это порождает партиципацию. Мышление шизофреников, на что обращает внимание Выготский, также носит комплексный характер. «От мышления в понятиях шизофреник переходит к более примитивной ступени, которая характеризуется <...> обильным применением образов и символов» [2].

Партиципация в мышлении примитивного человека, ребенка или больного шизофренией является как бы общим признаком примитивной ступени в развитии мышления (симптомом мышления в комплексах). В исследовании проблемы языка и мышления с помощью генетического анализа, Выготский обращается к феномену детского мышления и, в частности, к исследованиям Пиаже, разработавшего клинический метод исследования (см. *Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – Санкт-Петербург: Союз, 1997. – 256 с.*). Согласно Пиаже, в основе детского мышления находится эгоцентризм. Ребенок говорит лишь о себе, не стремится что-то сообщить собеседнику. Его речь монологична, как если бы он проговаривал вслух то, что думает. Он не интересуется тем, слушают его или нет. Лишь социализируясь, мышление и речь приобретает статус сообщаемости, коммуникативности. Эгоцентрический характер детского мышления и эгоцентрическая мысль есть переходная, промежуточную форму мышления (между артистической мыслью и направленным разумным мышлением) и во многом она схожа с аутистической мыслью (не следует сблизать с шизофреническим аутизмом). Эгоцентрический характер мысли и речи ребенка, связанный с самой психологической его природой, близок мышлению пер-

вобытного человека. Для ребенка в любой неудаче всегда виноватыми будут обстоятельства или вещи («объективация» по Юнгу – об этом далее). Точно так же мыслил и первобытный человек, для которого мир заполнен духами, влияющими на успех или неудачу.

Механизм комплексного мышления лежит в основе развития языка. Слово для ребенка – это образ, картина, оно имеет конкретный комплексный характер и может обозначать одновременно несколько предметов, одинаково относимых к одному и тому же комплексу. Новое слово возникает на основе выделения одного какого-нибудь признака, служащего основой для построения обобщения: «овладение процессом абстрагирования вместе с развитием комплексного мышления способно привести ребенка к образованию истинных понятий <...> ребенок приходит к мышлению в понятиях, он завершает третью ступень развития своего интеллекта только в переходном возрасте» [2].

Изучение проблемы общения, процессов понимания и развития их в детском возрасте привело исследователей к выводу о том, что общение необходимо предполагает обобщение, т. е. обобщение становится возможным при развитии общения. Таким образом, общение становится возможным лишь благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность. Всякое же обобщение, всякое образование понятия есть самый специфический, самый подлинный, самый несомненный акт мысли» [2]. Развитие детского мышления и социализация ребенка происходит тогда, когда он научается обобщать. Выготский вообще говорит о единстве общения и обобщения, устанавливая эту тему в качестве центрального вопроса в решении отношений речи и мышления, сознания в целом.

Инфантилизм и первобытное сознание

Классический психоанализ в опыте лечения неврозов также обращается к теме пра-логического мышления, как к важному материалу, на примере которого можно исследовать незрелое, инфантильное или нездоровое сознание индивида. Мы затронем лишь некоторый исследовательский опыт Юнга, известного широко, как ученика Фрейда, создавшего впоследствии свою собственную версию аналитической психологии. Этот выбор обусловлен исключительной философичностью рассуждений Юнга и его взглядом на человека, как на носителя определенной энергии (жизненной энергии), а не только лишь сексуальной, на чем настаивал Фрейд. Между тем, общей чертой во взгляде Юнга и Фрейда на пра-логическое мышление является соотношенность его с *инфантильностью*. «Первобытный человек прикован к собственному инфантилизму» [1]. Любая «инфантильная фиксация» современного сознания понимается, как бессознательное застревание («зацикливание») сексуального либидо (Фрейд), жизненного либидо

(Юнг) в инфантильных фантазиях, конформизме, приспособлении, страхах, не преодолении жизненных ситуаций, отказе от сопротивления, общая регрессивность. Все это делает либидо человека «запруженным», нереализованным. Задача терапии зачастую заключается в развязывании инфантильной фиксации, ее снятии (перевод бессознательного в сознание). Примечательно и далеко превосходит все амбиции психоанализа следующее высказывание Юнга: «До бессознательного можно добраться лишь путем сознания» [1]. Путем прохождения внутреннего пути от первобытного инфантилизма к собственной ответственности. Прохождение пути от объективации мира (объектная ступень) к субъективации (субъектная ступень), принятия ответственности за происходящее на себя, а не на духов или каких-то магических сил, управляющих миром и человеком, как думал первобытный человек. Необходимо высвободиться, пишет Юнг, из своего первобытного состояния. В исторической перспективе такого рода процедуру удалось совершить человеку благодаря смене установки, благодаря появлению в сознании религиозных и философских символов. Таким же путем, полагает Юнг, невротик может справиться со своей болезнью.

Важным открытием Юнга в области психологии, на наш взгляд, является открытие двух уровней восприятия и мироустройства – объектного и субъектного. Объективация или «изначальная мистическая идентичность с объектом» [1] свойственна примитивно организованному сознанию. Такой человек, пишет Юнг, имеет минимальные раздумья о самом себе при максимальной отнесенности к объекту. Размышление о самом себе, о своей судьбе впервые возникают в опыте философствования древних греков. Те свойства и характеристики, которыми наделялся объект, стали суть отражением субъективных содержаний. Вещи же перестали иметь столь весомую власть над человеком. Рассердивший человека «объект» мог восприниматься уже в качестве проекции сознания на самого себя.

Конечно, любая проекция содержит в себе изъян коммуникативного взаимодействия с миром и самим собой. Под коммуникативным здесь понимается вообще любая форма выхода за пределы своей собственной персоны. «Мы хотели бы, пишет Юнг, иметь лучшее отношение со своими ближними, но, конечно же, только лишь при одном условии: если ближние соответствуют нашим ожиданиям, т.е. если они являются добровольными носителями наших проекций» [1]. В противном случае, коммуникативное взаимодействие будет все более ухудшаться, вызывая раздражение и недовольство. Вот это вечное всем и всеми недовольство и претенциозность несет в себе черты мышления примитива: злой рок вовне, а не внутри собственной установки.

Проведенное нами исследование показывает, что пра-логические формы мышления свойственны в той или иной мере и современному индиви-

ду, но все же это совершенно иной способ ориентирования в мире, чем глубже мы пытаемся всматриваться в прошлое, тем наивнее и беззащитнее мы становимся перед толщей ушедших времен, тем более беззащитны мы и перед будущим. Человек парадоксален в любой точке истории, в любом времени. Находясь в сегодняшней точке, мы пребываем в иллюзии значимости инструментального разума. Учитывая внушительный опыт опоры на калькулирующий и просчитывающий навык, мы без труда можем просчитать и вычислить все, что угодно, кроме самого человека. Человеческое существо противится и не поддается калькуляции. Изысканная рациональность, вынянченная и взращённая в европейской культурной колыбели, слабое здесь подспорье. Требуется что-то еще, что-то, что поддерживало бы нас в нас самих, как поддерживало ту даль, того человека (еще вне идеи человека), возможности которого мы склонны мистифицировать, дабы спасти свои хрупкие инфантильные и психотические проекции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
2. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: «Лабиринт», 1994.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: «У-Фактория», 2004.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
6. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический проект, 2005.
7. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – Москва: Канон-Пресс/Жучково поле, 2003.
8. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Под ред. Б.В. Бирюковой. М., 1973.
9. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
10. Сурова Е.Э. Глобальная эпоха: полифония идентичности. – СПб.: Изд-во «Осипов», Центр изучения культуры, 2005.
11. Сурова Е.Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб., 2011 (в печати).
12. Фуко М. Слова и вещи. – СПб-К., 1994.
13. Хайдеггер М. Бытие и время /Пер. с нем. В.В.Бибихина. – СПб.: Наука, 2006.
14. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. / Trans. Brian Massumi. – L.& N.Y.: Continuum, 2004.
15. Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier / Howard Rheingold. Rev. ed. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
16. Wellman B. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism // International Journal of Urban and Regional Research 25 (June, 2001), P.227-52. (<http://www.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/index.html>, 25.03.2009 3:21:49)

TRANSLIT

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. – М.: Kanon-Press-C, 2001.
2. Bek U. CHto takoe globalizaciya? – М., 2001.
3. Gusserl' E.H. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. M.: «Labirint», 1994.
4. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenie ob Internete, biznese i obshchestve. – Ekaterinburg: «U-Faktoriya», 2004.

5. Kastel's M. Informacionnaya ehpoza: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura. – M., 2000.
6. Maklyuehn M. Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego. – M.: Akademicheskij proekt, 2005.
7. Maklyuehn M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka. – Moskva: Kanon-Press /Kuchkovo pole, 2003.
8. Mol' A. Sociodinamika kul'tury: Per. s fr. / Pod red. B.V. Biryukovoj. M., 1973.
9. Rejngol'd G. Umnaya tolpa: novaya social'naya revolyuciya. – M.: FAIR-PRESS, 2006.
10. Surova E.E. Global'naya ehpoza: polifoniya identichnosti. – SPb: Izd-vo «Osipov», Centr izuchenii kulture, 2005.
11. Surova E.E. Identichnost'. Identifikaciya. Obraz. SPb., 2011.
12. Fuko M. Slova i veshchi. – SPb- K., 1994.
13. Hajdegger M. Bytie i vremya /Per. s nem. V.V.Bibihina. – SPb.: Nauka, 2006.
14. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. / Trans. Brian Massumi. – L.& N.Y.: Continuum, 2004.
15. Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier / Howard Rheingold. Rev. ed. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
16. Wellman B. Physical Place and Cyber Place: The Rise of Networked Individualism // International Journal of Urban and Regional Research 25 (June, 2001), P.227-52.